

Панин Станислав Александрович

"ЯЗЫЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ" КАК ЭТАП РАЗВИТИЯ И СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ НЕОЯЗЫЧЕСТВА

Закономерным этапом развития современного неоязычества стали постепенная систематизация, структурирование и рациональное осмысление неоязыческих учений их последователями. На сегодняшний день эти процессы привели к оформлению своеобразной "языческой теологии", появление которой, помимо прочего, можно рассматривать как новый шаг в борьбе неоязыческих движений за социальное признание, которую они активно вели с момента своего появления. К настоящему времени "языческая теология" в некоторых западных странах постепенно завоевывает право на существование в числе учебных дисциплин, становясь важным инструментом легитимации неоязычества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2015/1/20.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (91). С. 83-86. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2015/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

проблемного обучения, которые, побуждая будущих педагогов к поиску способа решения проблемы, реализовывали установку на их активность в образовательном процессе, и методов развития критического мышления, позволяющих будущим педагогам осознать имеющиеся знания и умения, выдвинуть новые идеи, принять взвешенные решения. Преподаватели в личностно-развивающих ситуациях приобретения операционального опыта помогали будущим педагогам организовать себя и свою активность, координировали их деятельность, конструктивно критиковали процесс и результаты деятельности и, в то же время, давали возможность будущим педагогам самим отслеживать собственный прогресс в обучении и развитии.

Анализ полученного после проведенной опытно-экспериментальной работы эмпирического материала показал, что у будущих педагогов произошло согласование собственного регуляторного опыта с представленным в содержании высшего педагогического образования общественным опытом. Будущие педагоги приобрели опыт осуществления выбора, осознания оснований его осуществления, своего отношения к данным основаниям с учетом мнения других, фиксации ответственности за сделанный выбор, а также опыт осуществления развернутой деятельности по построению своего поведения в ситуации выбора, своих действий по реализации выбора, оценки результатов с учетом всего, что предшествовало выбору.

Список литературы

1. Сериков В. В. О разработке личностно-развивающих педагогических технологий [Электронный ресурс]. URL: <http://collegu.ucoz.ru/load/16-1-0-47> (дата обращения: 05.11.2014).

REGULATORY EXPERIENCE OF FUTURE TEACHER AS PERSONAL COMPONENT OF HIGHER PEDAGOGICAL EDUCATION CONTENT

Osadchuk Ol'ga Leonidovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Omsk State Medical Academy
ool58@mail.ru

The article explains a necessity for the introduction of a future teacher's regulatory experience into higher pedagogical education. The types of regulatory experience are distinguished; the situations of its acquisition created in the educational process of institutions of higher education are described. The paper presents the data of the experimental testing of the means of creating the situations of regulatory experience acquisition by a future teacher.

Key words and phrases: regulatory experience of future teacher; value experience of future teacher; operational experience of future teacher; situation of regulatory experience acquisition by future teacher.

УДК 29

Философские науки

Закономерным этапом развития современного неоязычества стали постепенная систематизация, структурирование и рациональное осмысление неоязыческих учений их последователями. На сегодняшний день эти процессы привели к оформлению своеобразной «языческой теологии», появление которой, помимо прочего, можно рассматривать как новый шаг в борьбе неоязыческих движений за социальное признание, которую они активно вели с момента своего появления. К настоящему времени «языческая теология» в некоторых западных странах постепенно завоевывает право на существование в числе учебных дисциплин, становясь важным инструментом легитимации неоязычества.

Ключевые слова и фразы: неоязычество; язычество; языческая теология; новые религиозные движения; религиозное образование; дихотомия «инсайдер/исследователь».

Панин Станислав Александрович

Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева
stanislav_panin@gmx.com

«ЯЗЫЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ» КАК ЭТАП РАЗВИТИЯ И СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ НЕОЯЗЫЧЕСТВА[©]

«Языческая теология» – термин, используемый, в первую очередь, некоторыми неоязыческими авторами и группами для обозначения попыток рационализированного, систематического изложения мировоззрения либо отдельных направлений неоязычества, либо, чаще, «язычества» в целом, без конкретизации. Появление «языческой теологии» характеризует, с одной стороны, определенный этап в развитии неоязычества, связанный с рефлексией, рационализацией и структурированием неоязыческого мировоззрения. С другой

стороны, она выступает как способ легитимации неоязычества, например, в тех случаях, когда ее позиционируют в качестве учебной дисциплины, которую последователи неоязыческих объединений пытаются ввести в структуру университетского образования.

Можно назвать как минимум четыре причины, которые сформировали фундамент для появления «языческой теологии». Во-первых, учения многих неоязыческих движений изначально восходят к научным теориям, как, например, учение викки, связанное с идеями антрополога М. Мюррей о европейском колдовстве [1]. Следствием этого является появление такого феномена как «превращение в аборигена наоборот», сущность которого состоит в том, что неоязычники становятся академическими исследователями, чтобы лучше понять историю и учение собственных религиозных движений [3]. В дальнейшем, участвуя в жизни своих религиозных общин, часто становясь авторитетными фигурами в неоязыческих сообществах, эти авторы привносят в них современные научные знания (из области истории, религиоведения, этнографии и т.д.) и способствуют рационализации данных учений, что создает благоприятные условия для появления теологии. В качестве примеров такого рода можно указать на деятельность Дж. Пирсон, В. Кроули и других авторов, открыто занимающих двойственную позицию инсайдера-исследователя.

Во-вторых, движение за объединение неоязычества позволило (как минимум, самим неоязычникам) говорить о «язычестве» в целом и попытаться выделить общие для всех его разновидностей мировоззренческие принципы. В 1968 году в США получает официальную регистрацию организация под названием «Церковь всех миров», которая стала одной из первых религиозных групп, попытавшихся объединить всех «язычников» в рамках одной общей организации. Другой известной организацией, стремящейся объединить различные направления «язычества» и активно действующей в настоящее время, является «Международная языческая федерация», действующая с 1971 года.

В-третьих, существование в светских государствах учебной дисциплины «теология», доставшейся современной системе образования «в наследство» от первых университетов, порождает очевидное противоречие юридического характера: поскольку исторически в западной системе образования «теология» (изначально, конечно, христианская теология) существует как легитимная учебная дисциплина, вполне естественно, что любые нехристианские группы, ссылаясь на равенство религий перед законом, могут претендовать на создание аналогичных учебных программ, посвященных их религиозным традициям.

Наконец, что не менее важно, распространение неоязычества, его постепенное общественное признание, а также рост числа его последователей способствуют институционализации неоязычества и порождают потребность в качественных услугах «религиозных специалистов», а вместе с этим и людей, которые хотели бы получить подобную специальность.

Популяризации термина «языческая теология», оформлению соответствующей концепции и ее распространению в научном сообществе способствовал выход в 2003 году книги религиоведа-язычника Майкла Йорка «Языческая теология: язычество как мировая религия», в которой развивается идея о том, что «язычество» нельзя рассматривать как совокупность содержательно не связанных друг с другом религиозных традиций различных народов. В равной мере неверно, по мнению Йорка, понимать его как в качестве названия для обозначения дохристианских религий Европы, так и в качестве синонима неоязычества. Вместо этого необходимо дать более широкое определение язычества, для чего необходимо выделить ряд элементов, которые составляли бы основу языческого мировоззрения и позволяли бы сформулировать его содержательное определение. Йорк выделяет пять таких элементов: «Язычество, – пишет он, – включает (1) веру в некоторое число богов и богинь, (2) магическую практику, (3) веру в могущество ритуального действия, (4) корпоральность (англ. *corporeality*, т.е. положительное отношение к своей телесности, своему земному существованию и всему, что с ним связано – С. П.) и (5) понимание богов и людей как связанных друг с другом и необходимых друг другу» [4, р. 14] Далее, впрочем, Йорк отмечает, что то или иное учение не обязательно должно строго удовлетворять всем этим признакам, чтобы считаться «языческим», достаточно соответствовать лишь большинству или даже некоторым из них, причем наиболее существенным моментом является акцент на «посюстороннем», *this-worldly*, характере языческой духовности; фактически, «язычество» в интерпретации Йорка оказывается скорее пантеизмом, чем политеизмом [Ibidem, р. 65-66]. В рамках предложенной Йорком концепции становится допустимым рассмотрение многих разновидностей «язычества» как единого культурного феномена. Поэтому, с точки зрения автора, можно говорить о «язычестве» как о мировой религии, самой древней и послужившей источником для всех остальных религий. Начиная в первой главе «Язычество как религия» свою «опись» различных форм язычества с древнейших известных его форм (китайских народных верований, синтоизма, шаманизма и т.д.), Йорк включает в это понятие и современные разновидности «язычества» (неоязычества), которые, с его точки зрения, являются лишь одной из форм проявления «язычества» в более широком смысле. На этом он, однако, не останавливается, и во второй главе, озаглавленной «Язычество как поведение», пытается доказать, что, несмотря на неязыческий характер их религиозных учений, большинство представителей таких религий как буддизм, христианство и ислам, продолжают демонстрировать на практике приверженность языческому культу, поскольку культовые действия этих религий, например, причастие, являются, в сущности, переосмысленными языческими ритуалами. Вообще, с точки зрения Йорка, сам по себе религиозный культ является по своей природе языческим явлением, так что «с точки зрения поведения, язычество можно рассматривать как неотъемлемую часть религиозной деятельности самой по себе» [Ibidem, р. 66]. К скрытым формам язычества автор также относит «агностицизм, атеизм и секуляризм»

(которые он, вслед за Дэвидом Барреттом, характеризует как разновидности «квазирелигиозности» [Ibidem, p. 9]), указывая на их укорененность в языческом восприятии мира. Выделяя «атеизм» и «деизм» как основные формы классического свободомыслия, Йорк отмечает, что они имеют языческое происхождение. В частности, он указывает на учение Эпикура о блаженстве богов, не участвующих в людских делах, и на вудуистское представление о верховном божестве как некоей надмировой силе, не вмешивающейся в земные дела, считая эти языческие по существу концепции основанием для возникновения деизма. Говоря о том, что европейское «свободомыслие» отходит от христианского восприятия божества, Йорк отмечает, что оно, в то же время, подразумевает возвеличивание человека и природы, придание им практически религиозного статуса, что соответствует его идее «корпоспиритуальности», являющейся определяющей чертой языческого мировоззрения и повседневной практики. Анализируя элементы «языческого поведения» в христианстве и «свободомыслии», Йорк не без изящества использует в качестве аргументации для обнаружения элементов язычества в христианстве идеи авторов-атеистов, а для обнаружения язычества в атеизме – его критику со стороны христианства.

Книга Йорка, фактически, положила начало новой тенденции в неоязыческой среде. В 2012 году появилась еще одна важная публикация, посвященная этой теме, – книга Кристины Крэмер «В поисках тайны: введение в языческие теологии» [2], которая продолжила развитие идеи «языческой теологии». Отмечая не-догматический характер современного язычества и многообразие форм его проявления, Крэмер в своей книге, подобно Йорку, пытается, тем не менее, определить универсальные характеристики языческой религиозности, которые позволили бы говорить о «язычестве» как о едином «религиозном движении» (но не как о единой религии, поскольку в состав «язычества» входит множество религий). Таких характеристик она выделяет девять: (1) пантеизм, панентеизм или анимизм; (2) политеизм; (3) уважение к природе и к своему телу; (4) отсылки к дохристианским народным мифам и традициям; (5) совершение ритуалов; (6) доверие к личному опыту как источнику знания о божественном; (7) признание действительности магии и магического мировоззрения; (8) этика, ориентированная на действия в конкретных обстоятельствах, связанная с потребностями и мировоззрением сообществ и отношениями с конкретными людьми, в противоположность раз и навсегда установленным моральным принципам; (9) религиозный и мировоззренческий плюрализм.

После того как был сформирован теоретический фундамент для создания «языческой теологии», закономерным образом были предприняты и первые попытки ее институционального оформления как учебной дисциплины. Самой заметной из них на сегодняшний день является Семинария Черри Хилл (Cherry Hill Seminary), расположенная в Южной Каролине (США). Данное учебное заведение, возводящее свою историю к дистанционным образовательным неоязыческим проектам 1990-х годов, было официально зарегистрировано в марте 2007 года в качестве некоммерческой организации и в настоящее время выдает дипломы как «Магистра гуманитарных наук» (Master of Arts), так и «Магистра теологии» (Master of Divinity) в области «язычества». Всего в семинарии выделены три направления обучения: «Священство, проповедничество и лидерство» (Ministry, advocacy and leadership), «Пасторское служение и капелланство» (Pastoral Counseling & Chaplaincy) и «Теология и история религии» (Theology and Religious History). В настоящее время Семинария Черри Хилл является единственным учебным заведением в мире, официально выдающим диплом магистра в области «языческой теологии», однако, если данная идея, в итоге, продемонстрирует свою успешность и востребованность, несомненно, что опыт Семинарии Черри Хилл будет использован для создания новых организаций подобной направленности.

«Языческая теология» как учебная дисциплина в настоящее время пытается занять срединную позицию между светскими специальностями, такими как религиоведение, достаточно многочисленными в Европе и США «школами магии» и популярными тренингами на темы лидерства и личного развития. Удастся ли ей в полной мере выдержать эту линию, остается вопросом, как и то, насколько востребованным окажется подобный подход. Ведь, с одной стороны, «языческой теологии» предстоит проделать долгий и сложный путь, прежде чем она обретет легитимность в глазах общества в целом, а тем более академического сообщества. С другой стороны, многим неоязычникам «языческая теология» может показаться сомнительным предприятием в силу ее ориентации на рациональность и «академичность», что нередко воспринимается как слишком жесткий, формальный и ограничивающий индивидуальные духовные поиски подход. Таким образом, «языческая теология» рискует не удовлетворить ни одну из сторон, оставшись «несерьезной» для одних и «чресчур рациональной» для других. Тем не менее, ее появление, несомненно, уже стало важным этапом в борьбе неоязыческих групп за социальное признание, поскольку формальное признание «языческой теологии» как учебной дисциплины, несомненно, является маркером более внимательного отношения государства к неоязыческим группам, интересы которых оно более не может игнорировать.

Итак, появление «языческой теологии» стало закономерным этапом в развитии неоязычества. Ее предпосылки обнаруживаются как в истории его возникновения, так и в актуальном состоянии его развития. В настоящее время идея «языческой теологии» в достаточной мере оформилась как целостная концепция благодаря появлению посвященных этой теме публикаций, в частности, книг М. Йорка и К. Крэмер. Наконец, в последние годы мы можем наблюдать постепенную институционализацию «языческой теологии» в качестве новой учебной дисциплины. И, если она все же окажется достаточно востребованной, что кажется достаточно вероятным, в ближайшем будущем следует ожидать наступления периода активного развития в этом направлении.

Список литературы

1. **Панин С.** Воззрения Джеральда Гарднера на «ведовство» и их истоки // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 4. С. 184-202.
2. **Kraemer C. H.** Seeking the Mystery: An Introduction to Pagan Theologies. Englewood: Patheos Press, 2012. 138 p.
3. **Pearson J.** Going Native in Reverse: the Insider as Researcher in British Wicca // Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions. 2001. Vol. 5. № 1. P. 52-63.
4. **York M.** Pagan Theology: Paganism as a World Religion. New York: New York University Press, 2003. 239 p.

“PAGAN THEOLOGY” AS DEVELOPMENT STAGE AND METHOD OF NEOPAGANISM LEGITIMATION

Panin Stanislav Aleksandrovich

*D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia
stanislav_panin@gmx.com*

A logical step in the development of modern neo-paganism is the gradual systematization, structuring and rational understanding of neo-pagan teachings by their followers. To date, these processes have led to the formation of a kind of “pagan theology”, the appearance of which, among other things, can be seen as a new step in the fight of neo-pagan movements for social recognition that they have actively carried on since the day of their appearance. Now “pagan theology” in some western countries is gradually gaining a right to exist among a number of academic disciplines becoming an important tool for the legitimation of neo-paganism.

Key words and phrases: neo-paganism; paganism; pagan theology; new religious movements; religious education; dichotomy “insider/researcher”.

УДК 811.512.211:398:256

Филологические науки

В данной статье проводится сюжетный анализ эвенского нимкана «Кукушка» («Кэкучэн»). В результате автор впервые выявляет мотив «Неузнанный шаман», известный у некоторых народов Сибири, Северо-Восточной Азии и Дальнего Востока. Есть основание полагать, что мотив «Неузнанный шаман» был заимствован эвенками у тюркоязычного народа, проживающего на территории их расселения.

Ключевые слова и фразы: эвены; эвенский нимкан; эвенский фольклор; сказочный фольклор; жанр; традиционный фольклор; сюжет.

Петрова Валентина Алексеевна

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск
valya89243679003@mail.ru*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МОТИВА «НЕУЗНАННЫЙ ШАМАН» В ФОЛЬКЛОРЕ ЭВЕНОВ[©]

Сюжеты, содержащие шаманскую тематику, можно найти в фольклоре многих народов Сибири, Северо-Восточной Азии и Дальнего Востока, длительное время сохранявших шаманизм как форму обрядовой культуры и религиозной жизни.

Особый научный интерес представляют рассказы о шаманах автобиографического характера или об индивидуальной шаманской практике [12, с. 37-40; 14, с. 84-95]. Подобные сюжеты зафиксированы не только у тюркских, но и у некоторых тунгусо-маньчжурских народов, в частности, у эвенов. Эвенками подобные рассказы именуются с помощью специального народного термина – *укчэнэк* 1) разговор, беседа, 2) рассказ [18, с. 257].

Особое место занимают шаманские легенды, обозначаемые народным термином *тэлэнг* 1) рассказ, повествование, повесть, предание, пересказ; 2) весть, известие; 3) история, быль [17, с. 233], а также повествования сказочного характера, называемые эвенками с помощью специального народного термина *нимкан* [Там же, с. 594]. По-настоящему шаманскими они становятся в том случае, если шаманство занимает не эпизодическое, а центральное место в повествовании [11, с. 125-129]. В работе Е. М. Мелетинского «Происхождение героического эпоса (ранние формы и архаические памятники)» шаманские сказки называются первобытными, и подобные фольклорные тексты отнесены к сказкам [10, с. 24].

Сказочный сюжет, в котором шаманская тема является центром сюжетообразования, – распространённое явление не только в эвенском фольклоре, но и в фольклоре других северных народов. Наиболее существенным исследованием в этом направлении следует считать работу В. А. Аврорина и Е. П. Лебедевой «Орочские сказки и мифы». Авторы выделили в фольклорном материале орочей «шаманские мифы», для которых характерны мифологический принцип повествования и отражение религиозных основ мышления [1, с. 25].